

А. К. Гаврилов

СУПОСТАТ, ОТСТУПНИК, АПОСТАТ¹

Аннотация. Ст.-слав. существительное *соупостатъ*, засвидетельствованное в литературных текстах в X—XI вв. в значении ‘заклятый враг’ (иногда ‘Сатана’), озадачивает в отношении своей внутренней формы. Иногда лексему возводили (I) к индоевропейской древности, причем оставалось, неясным, как из набора нейтрально звучащих элементов получалось особняком стоящее и выразительное образование. Другие (II) усматривали в слове *соупостатъ* кальку с греческого, однако среди греческих слов не видно ни одного, которое могло бы стать ее источником, поскольку имеющиеся синонимы (*ὑπεν-αντίος*, *ἀντί-δικος*, *ἀντ-αγωνιστής* etc), должны были бы побудить к использованию слав. *противъ*. Автор предлагает (III) прямое (фонетическое) заимствование из греч. *ἀποστάτης* в дописьменную эпоху, когда фонетические и прочие изменения происходят быстрее. Префикс *ἀπο-* означало здесь, как и в *ἀφίσταμαι*, *отход* от верности истинному

¹ Сюжет статьи наметился около 50 лет назад, когда аспиранты филфака ЛГУ могли среди совсем еще молодых, но уже получающих ученое признание русистов наблюдать А. С. Герда: он был одним из гонцов носившейся в воздухе начала 1960 годов лингвистической весны. В 1984 г. я пробовал собрать свои соображения по поводу слова *супостат* в докладе на конференции Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва). Завершить этюд тогда не удалось. Продолжая преподавать древнегреческий русистам и изучать кальки с греческого в русском языке, я исподволь следил за греческим влиянием на русскую лексику.

Богу в духе выражений, которые в Септуагинте стали передавать богатую древнееврейскую синонимику религиозного ренегатства. К этой словесной коннотации в IV в. н. э. добавился яркий исторический образ Юлиана Отступника (Ἀποστάτης и Apostata). При народно-этимологическом освоении в начальных слогах этого слова произошла гибридная (греко-славянская) фузия: ἀπο- выражавшее идею *отклонения* вместе с настроением *враждебности*, в ходе переосмысления роли составляющих элементов оказалось приспособленным к расплывчатому слав. *по-* и привнесенному, но не достаточно отчетливому слав. *со-* / *соу-* по образцу *соупротивникъ, соупьрь, соупьрьникъ*. Ассоциация ἀποστάτης с Сатаной в средневековый период (так в «Лексиконе Суда», X в.) жива еще в русском XVIII в. С калькой *отъстоупникъ* и с введенным было в XVIII в. латинизмом *апостатъ*, позднеантичное слово оказывается заимствованным в русский язык трижды.

Ключевые слова. Этимология, историческая лексикология, культурные заимствования, переразложение, калькирование, грецизмы.

Структура лексемы *соупостатъ*, засвидетельствованной уже в древнейших старославянских источниках, кажется отчетливой: *со-по-ста(-)тъ*¹, а по значению близка к ‘враг’, иногда ‘чёрт’. Осмысливать истоки этого экспрессивного и явно литературного слова можно по-разному.

I. Элементы лексемы *соупостатъ* иногда истолковываются как наследие общего индоевропейского языкового состояния (например, в трудах западных славистов XIX — 1-ой пол. XX вв.)². Вся структура, в целом и в частях, в этом случае представляется на редкость отчетливо сохранившейся и даже

¹ Продуктивный у прилагательных и причастий последний элемент –*tu* (ср. ст.-слав. *пернатъ*) можно толковать как суффикс, который со временем вошел в основу существительного, между тем как для передачи греческого причастия ἀντικείμενος понадобилось прилагательное *соупостатъный* — эту пару мы находим в качестве прямого соответствия в одном из древних переводных текстов, см.: *Старославянский словарь...* 1999: s.v. *соупостатъный*.

² Мнения старых западных ученых (К. Бругман, А. Мейе, Р. Траутман) резюмированы М. Фасмером (1971. 3: s.v. *супостат*).

прозрачной для такой незапамятной древности¹, хотя основа *po-stat (при наличии *поставити, поставіати, поставієннїє*) не засвидетельствована в древнейших старославянских памятниках². Тем удивительней при этом положение со смысловой стороной слова: если в слове обозначено некое «стояние вместе»³, откуда взялось настойчивое представление о *противостоянии*? В самом деле, элемент *по-* чрезвычайно неопределенен, как показывают приставки греческих слов, которым эта приставка призвана была соответствовать в древних славянских переводах. Что касается начального *соу-*, то оно тоже многозначно и богато разнообразнейшими смысловыми возможностями (Цейтлин 1959), однако, наиболее очевидное его значение не *противопоставлять*, а *соединять* (в греческих текстах ему обычно соответствует *συν-*). Это значение можно наблюдать в старославянском, применяясь ко все тем же древним образованиям: *соу-проу҃гъ* очевидным образом восходит к греч. *συζύγ(ι)ος, σὺζυξ* (в качестве параллели ср. лат. *coni(u)x*); при этом *соу-проу҃гъ* засвидетельствовано в переводном тексте, где греческий оригинал дает *ζεῦγος*, из чего следует, что *соу-* уже до этого передавало *συν-*, естественно воспринимаясь в соединительном смысле. Также и в лексеме *соу-сѣдъ* приставка очевидным образом имела то же соединительное значение.

Правда, засвидетельствованные уже в древнейших текстах существительные *соу-пърь* и *соупърьникъ*, указывают наряду с лексемой *соупротивьникъ* и *соувражъ* на враждебность, обычно соответствуя в переводных текстах греч. *ἀντίδικος* и его синонимам: *ἀντίδικος, ἀντίμαχος, ἀντίπαλος, ἀνταγωνιστής* и др. Следует, однако, принять во внимание то обстоятельство, что

¹ Ср.: (ὄφ-)ίστασθαι и *по-стојати*, независимо от того, имеем ли мы здесь дело с древней общностью, калькой или параллельным развитием.

² В славянских языках основа (po)stat- представлена, напр., в польск. *postać* ‘образ, форма’; ср. русск. *стать*, мн. ч. *статии* и проч.

³ Об этом говорил А. Лескин (цит. по: Цейтлин 1959: 227, прим. 23).

предлог соу- в лексемах соу-пъръ и соупърникъ употреблен не сам по себе, а в сочетании с основой, которая указывает на борьбу и противостояние: это ст.-слав. *пърѣа*. За элементом *ἀντι-* изначально стояло указание на некое противостояние и противопоставление, между тем как сооу- указывает — притом довольно неопределенно — лишь на некую двойственность, которая может оборачиваться той или иной степенью (не)приятя. Отсюда понятно, что в лексеме сооупротивъ и тех лексемах и словосочетаниях, которые на нее опираются, смысл противостояния формируется не через первый элемент, а через второй: *противоу,* *противъ,* *противникъ* и т.д. Что касается роли элемента соу-, то сам по себе к мысли о столкновении двух сторон он не вел. Таким образом, если бы мы захотели извлечь смысл прямо из тех элементов, которые выделяются в занимающем нас слове соу-по-статъ, то ни в одном из них не выражено сколько-нибудь отчетливое представление о враждебности, между тем как мы ищем, откуда взялась идея сугубой вражды, знакомая нам по русскому слову *супостат*. В целом версия древнейшего индоевропейского происхождения лексемы сооупостатъ оставляет в недоумении.

II. Могло быть и так, что перед нами калька с какого-то греческого слова, а значит — одно из тех косвенных заимствований, какие в течение ряда столетий настойчиво сопутствовали воздействию греческого языка на старославянских и церковнославянских книжников (*Molnár* 1985; *Schumann* 1958). Литературное происхождение (кальки сочиняются по меньшей мере двуязычными, сугубо причастными к книжности людьми) хорошо подходило бы к экспрессии слова *супостат*, заметной с первых его письменных употреблений. Неудивительно, что лексикологи предполагали определяющее воздействие на лексему сооупостатъ греческих слов, относящихся к семантическому полю 'вражда и война'. При этом, считая нужным держаться темы *πολέμιος* или *ἐχθρός*, они подбирали слова, содержащие элемент *-ἀντι-*, что подсказывали текстуальные соответствия переводимых греческих текстов: *ὄλεν-αντίος* и уже упомянутые

выше ἀντίδικος и др.¹ Называли и ἀντιστάτης, однако против последнего предположения говорит то, что (а) это слово встречается всего по одному разу у Эсхила и Плутарха, а еще один раз у «технического» писателя Герона Александрийского в применении к устройству с вертикальным шестом. Но зачем творцам старославянского литературного языка пересаживать на новую почву такую лексему, которая невзирая на свою простоту вряд ли вообще была в обиходе у всякого носителя греческого языка? Кроме того — и это относится ко всем только что перечисленным греческим словам из лексического поля «враг-противник», — в этом случае (б) ожидалось бы славянские новообразования, использующие (соу)противъ / противоу, противьнъ и т.п.

Обращаясь к элементу со-/соу- в славянском соу-постатъ, следует вспомнить, что при калькировании он был призван par excellence передавать греч. συν-, а для этой в высшей степени продуктивной греческой приставки характерно значение совместности и, так сказать, коллегиальности, некоего единства (ср. позднейшие кальки со-став / су-став)² — слов, начинающихся по-гречески с συν- и указывающих на враждебность, не видим. Наконец, в славянской кальке у помен agentis ожидался бы суффикс -тель или -ник, как можно убедиться хотя бы по лексемам (соу)противьникъ или соу-пърьникъ, а соупостатъ этого не дает.

Скажем отдельно о примечательной форме соупоста-тъный в качестве текстуального соответствия ἀντικείμενος в Хиландарских листках XI в. Здесь, пожалуй, получалось нечто примечательное: слово, содержавшее указание на противостояние, а по внутренней форме дающее «противо-лежащий»,

¹ По Ф. Миклошичу (Miklosich 1862–1865: s.v.), соупостатъ калька с πολέμιος и(ли) ἀντιστάτης; у А. Х. Востокова в «Словаре церковнославянского языка» (СПб., 1858–1861: s. v.), соупостатъ возводится к ἀντικείμενος; другие настойчиво постулировали кальку с греч. ὑπενάντιος (ср.: Львов 1975: 305; также см.: 17 и 304).

² Лексема состав появилась как калька с греч. σύστημα, наряду с състoяниe. Что касается со-поставления и противопоставления, то они являются, по-видимому, кальками с нем. Gegenüberstellung и Entgegensetzung соответственно.

избирает себе в качестве соответствия **соупостатънѣи**, которое воспринималось переводчиком близко к «со-стоящий» в смысле «противу-стоящий». Приставка **соу-** здесь приближается по смыслу к *против(у)-*, но этот случай стоит, мне кажется, особняком.

Иначе говоря, несмотря на то, что возможность калькирования с греческого языка на славянский необходимо взвешивать и для лексемы **соупостатъ**, однако правдоподобный греческий источник через это славянское слово, кажется, не усматривается. То, что его воинственный смысл, как мы видели при разборе «индоевропейской» версии, не выводится из структурных элементов этого слова, для объяснения последнего в качестве кальки еще менее благоприятно, поскольку в случае сознательного калькирования мы вправе ожидать внятности отношений между строевыми составляющими и общим смыслом рассматриваемой лексемы.

III. Между тем обращает на себя внимание любопытное созвучие слав. **соупостатъ** с очень употребительным, значительным по смыслу и ярким по эмоциональной окраске греч. **ἄποστατης**. Это наводит на мысль о прямом (фонетическом) заимствовании славянского слова из греческого, что — как это характерно для такого рода заимствований (*Miklosich* 1867; *Jagić* 1898: 519 ff.) — сопровождалось некоторыми преобразованиями: звуковыми, морфологическими и смысловыми. Общему созвучию обеих лексем не противоречит различие в окончании — ограничиваться при заимствовании основой было бы как раз нормой (ср. **мавастръ**, **ангелъ**, **апостолъ**, **Ясклипидъ** и проч., где берется только основа). Что касается смысла, то соотношение здесь интересное: *супостат* по содержанию «враг / дьявол» и «отступник / ренегат» отнюдь не тождественны, зато находятся в близком смысловом соседстве и объединены тем тоном неприятия, который так силен у *супостама*.

В др-греческом **ἄποστατης** встречалось уже у Платона и Ксенофонта, наряду с другими дериватами той же основы, которые легко выводятся из глагола **ἀφίστασθαι**, **ἀποστῆναι** и имени **ἀπίστασις** в естественных, ибо близких к значению своих составных элементов осмыслениях: *отходить*, *отступать от*

кого/чего-либо. В политическом смысле ἀποστῆναι + γεν. (в различных функциях) означало *отложиться, отпасть от кого-нибудь, выйти из союза* и т. п. — дело серьезное, но настолько характерное для политической конъюнктуры в жизни греческих городов, что такое поведение (политика) многих озлобляло, но никого не удивляло: что ж поделать, если «свои» иногда ведут себя хуже чужих.

Положение меняется в языке греческой Библии. Греч. слово ἀποστάτης у иудеев и христиан получает вместо политического догматическое значение и конфессиональную окраску. Понятно, что в иудаизме, где идея религиозной верности (или, напротив, *отступничества*) заложена в самой сути конфессии, которая существенно опирается на священный текст (Schriftreligion), уклонение от основ веры неприемлемо и наказуемо. Септуагинта знает множество выражений, обозначающих идею отступничества как некий «отход в сторону» (ἀπο-στῆναι), что поддержано символом пути и пониманием поведения как «хождения» по пути — праведному или неправедному (др.-евр. derekh, нем. Wandel, рус. *ходить пред Господом* и проч.).

В отличие от язычников *отступничеством* у монотеистов является все кроме ортодоксии. Отсюда целый ряд выражений, из которых назовем здесь некоторые термины, которые обозначали греховный отход от Бога: существительное meshubba или глаголы bagad, pasha' (Es. 1, 2); 'azab (Jehova) и др. Лексемы типа ἀποστάτης πόλις (Jos. Flav. Ant. Jud. 11. 2. 1) начали появляться в языке Септуагинты¹. Персонифицированное, исторически броское воплощение ἀποστασία во 2-ой пол. IV в. н.э. получает в лице Юлиана Отступника: Iulianus Apostata, Ἰουλιανὸς ὁ Ἀποστάτης. Латинское apostata, усвоенное юридическим языком из греч. ἀποστάτης (Cod. Theodos. 16. 7, 7), стало в языке права, — а для обеих частей империи вплоть до VI века это был латинский язык — важным церковно-политическим термином; правда, страшное обвинение, теряя определенность, начинало граничить с бранью.

¹ В Новом Завете ἀποστάτης не представлено; есть ἀποστάσιον и ἀποστασία, пришедшая на смену эллинской ἀπόστασις.

Нельзя не признать, что фонетически часть перенесенных на славянскую почву элементов звучит несходно с предполагаемым, по нашей догадке, источником. Таковы два очевидным образом славянские элемента в начале слова: *су-* и *по-*. Если *стат-* в любой из разбираемых нами трех основных версий (I–III) с основанием воспринималось как один и тот же корень с тем же основным значением, то приставка *ѡпо-* была непонятна носителям славянской речи: слова вроде *апокалипсис*, *апостол* были известны, но этого было мало для натурализации греческой приставки. Это означало, что надлежало как-нибудь приспособить *ѡпо-* для восприятия славян, каким-либо образом его осмыслив. При соприкосновении предыдущего слова с начальным гласным последующего (сандхи!), как известно, особенно часто начинается переразложение морфем, что редко обходится без участия народной этимологии.

У славян из *ѡпо-* в подобных случаях легко выделилось *по-*, тем более что афреза в славянских заимствованиях распространялась на различные приставки: *ѡпо-*, *ѣпи-*, *ѡпо-* и т.д. Помимо *покалипсис*, назовем здесь *поклисарь* (*ѡпокрѣсѣѡриѡс*), *патрахель* вместо *эпитрахиль* (у Аввакума); в *Синайской псалтири* (82а б) *постояние* передавало *ѡпѡстѡсѡсѡс* и проч. Бывает это и в грецизмах в рамках поздней латыни: *potecari* < *apotecari*¹ и в ходе развития лексики романских языков². Более того, случаются и казусы вроде: *подрумие* (в смысле *инподром*), *Пократ* (о *Гиппократе*: «установление Пократово <...> добро тако рече Пократ»)³. Кроме этого, народноэтимологическое *по-* в основе слова обнаруживаем в имени *Полинаруий* вместо

¹ См.: *Мажуга* 1987: 250. Ср. там же, сходная звуковая перемена: *batissa* < *abatissa*.

² Исп. *botega*, фр. *boutique*, которые предполагают **poteca* как упрощение греч. *ѡποθήκη*: как и в нашей *аптеке*, имеется в виду 'отложенное, склад'.

³ Редкие источники по истории России. Вып. 1 (М. 1977), с. 78. *Апокалипсис* превращался не только в *Покалипсис*, но — в плане гиперкоррекции — и в несравненное *Гиппокалипсис*.

Аполлинарий («Синайский патерик»)¹; ср. похожую переработку в латинских заимствованиях: *полаты* (*palatia*), *поганый* (*raganus*); в топониме *Полюстрово* образ славянской приставки потеснил законный источник *palustris* (от *palus*) и т.п.

Итак, ἀποστάτης давало, по всей видимости, *o{a}-постат, или, промежуточно, *постат, где *по-* имело характерную для него неопределенную семантику. После этого в отношении начального гласного реконструируемого нами заимствования *апостатъ можно было решать трояко: либо *а-* воспринималось как след некой традиции, либо в начальном гласном теперь угадывалось *о-* (ср.: *ограда*, *одеяние* и проч.), либо начальный слог вовсе отбрасывали, причем, возможно, оставалась смутная память о каком-то утраченном слоге. Между тем словами, близкими по смыслу к разбираемой лексеме, уже в рамках древнейших старославянских памятников были, как помним, соупротивникъ, соупьрь и соупьрьникъ, затем соувражъ. Заметим, что во всех этих образованиях из того же семантического поля *враг-противник* на вражду и противостояние указывает, по существу, второй их элемент. Ведь привычное нам значение ‘конкурент’ у *соперника* скорее не исконное; сперва слово значило ‘противник (в тяжбе); тот, с кем надо вести (судебный) спор’ и лишь потом специализировалось в представление о состязательности и соревновании, которые не должны, хотя и могут, оборачиваться прямой враждой². Не беремся судить, не произошла ли в этой группе слов грамматикализация сооу- в направлении вражды, но, по-видимому, носители языка почувствовали, что приставка по меньшей мере не разрушает смысл слова, принимающего с нею определенно славянский вид; а что значило понравившееся ромейское слово, люди помнили из контекстов, с ним сопряженных, и праведного гнева на тех, кого

¹ См. указатели личных и географических имен (Иванова 1984: s.v.).

² Соупьрь, по ценным указателям к «Пандектам» Никона Черногорца (XII в.) (см.: Максимович 1998: s.v.) соответствует греч. ἀντίδικος — слово, указывающее на тяжбу, судебное состязание (без идеи борьбы за жизнь или смерть).

по-гречески называли ἀποστάτης. Поучительно, что значение «Сатана» у греч. ἀποστάτης (Suda: s. v. Σατανᾶς) вплоть до словарных определений русского XVIII в. связывается с *супостатом*.

На этом основании и на основе фузии начального гласного *a- /o-* с приставкой *co-/cy-* обновленный начальный элемент мог приобрести известный нам гибридный облик *co-/cy-постат* (по схеме: **o-постат* – *сопостат*)¹. Нельзя, конечно, исключать и того, что *co-/cy-* просто было добавлено к основе **постат* словно в память о чем-то утраченном и для усиленного восполнения не вполне отчетливого смысла. В любом случае примечательно, что образ вражды, звучащий в слове, отражает не столько эту декоративную в разбираемом случае славянскую приставку, сколько *odium theologicum*, сопрягавшийся некогда с греческим словом-источником.

При таком ходе дел, когда начинают работать звуковые ассоциации вместе с народно-этимологическими процессами, о строгости и точном распределении смыслов говорить не приходится. Случаются, как известно, и более радикальные случаи перестройки, и не только в начале, но и в основе слов! Таков *пономарь* из παρὰ-μονάριος (*пономарь* и *парамонарь* встречаются в одном тексте, см.: Максимович 1998: 541, 543). Еще более яркий пример: *паникадило*, *поникадило* из *polycandelon* < πολυκάνδηλον, где переработана основа макаронического (греко-лат.) слова, которое после перехода от лат. *candeo* к слав. *кадити* стало звучать очень по славянски, — правда, не без ущерба для смысла, но с выгодой, если иметь в виду усвоение чуждого звукоряда и приискание ассоциаций.

Приведенные случаи показывают, что дело не в поисках законного смысла исходного греческого слова (без книжной эрудиции это и невозможно), а в получении некоего квази-смысла, но такого, который делает слово более удобным для удержания в народной памяти, куда оно легко встраивается

¹ Это был бы психологический механизм, в чем-то родственной репетитиву — возможность, на которую автору указал Н. Л. Сухачев при дружеском обсуждении темы.

благодаря фонетическому и структурному переоформлению.

Приняв наше допущение (версия III) можно, кажется, снять хотя бы часть недоумений, которые останавливали нас применительно к версиям I–II: про незапамятную индоевропейскую древность или про сравнительно позднюю (почти кабинетную) кальку с неведомого греческого слова. Благодаря перераспределению (ре- или декомпозиции) в первых двух слогах грецизма **апостат* из *ἀποστάτης*, фонетически заимствованному в старославянский язык и бытовавшему в течение некоторого времени в живой славянской речи, возникло новое гибридное (греко-славянское) образование *соуѡпстатѣь*. То, что уже в древнейших памятниках такая лексема представлена без вариаций, указывает, что процесс имел место еще в дописьменную эпоху славянства; применительно к разбираемому слову это позволяет думать о VI—VIII вв.

Если автор склонен полагать свое предположение об этимологии *супостата* несколько более, чем просто допустимым, то при объяснении фонетических и смысловых преобразований в начале слова приходится пока думать только о возможности. Намного позже появилась калька *отѣступникѣь*, а в XVIII в., русской словесности не показалось излишним усвоить еще и латинское заимствование того же греч. слова: *apostata* > *апостатѣь*. Наряду с прямым заимствованием произошло калькирование *ἀποστασία* как *отѣстоуѡпление* (напр., у Никона Черногорца, см.: Максимович К. А., 1998, с. 18, 1), откуда и слово *отѣступникѣь*. Наконец, в XVIII в., русской словесности не показалось излишним усвоить еще и латинское заимствование того же греческого слова: *apostata* > *апостатѣь*. Так у нас оказалось сразу три отражения одного и того же греческого слова¹, впитавшего в себя кое-что из языка еврейской Библии и вошедшего в мировой латинский язык: *супостат* — *отступник* — *апостат* (ср. *анакорет*² или *схизматик*) одного и того же

¹ Вместе с влиянием латыни, сформированной под сильнейшим влиянием греческого, получается иногда и по четыре (притом — удержавшихся в языке надолго) заимствования из одной, по существу, греческой лексемы: *μεταμόρφωσις* — преобразование — метаморфоза (*transformatio*) — преобразование — трансформация.

² Для важных слов из греческого (греко-византийского) языка по три заимствования из одной лексемы были не диво, напр.: *о(т)шельник*

греч. слова¹. Наследники обеих частей империи взапуски усваивали общий итог семантического развития занимающей нас позднеантичной греко-латинской лексемы ἀροστάτης — apostata в своих языках-наследниках — романо-германских, с одной стороны, и славянских, с другой.

Литература

- Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858–1861. Т. 1–2.
- Иванова Т. А.* Рец. на Р. М. Цейтлин // *Этимология* 1978. М., 1980. С. 193 и сл.
- Иванова Т. А.* (Сост.). Методические указания к анализу Синайского патерика. Л., 1984
- Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
- Мажуга В. И.* Предметно-терминологический указатель // *Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании Академии наук СССР.* Сост. Е. Ч. Скржинская, А. М. Кононенко, В. И. Мажуга. Л., 1987.
- Максимович К. А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М. 1998.
- Старославянский словарь* (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
- Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. М.: Изд-во «Прогресс», 1971. Т. 3; 1973. Т. 4.
- Цейтлин Р. М.* Материалы для изучения значений приименной приставки so- в славянских языках // *Уч. зап. Ин-та славяноведения.* М. 1959. Т. 17. С. 208–247.
- Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // *Archiv für slavische Philologie.* 1898. Bd. 20.
- Miklosich F.* *Lexikon palaeoslovenico-graeco-latinum.* Vindobonae, 1862–1865.

/ *ошьльць* — *о(т)ходникъ* — *анахорет* как синоним к ‘пустыннику’ < ἐρημίτης, ср. лат. heremita, см.: *Иванова* 1980: 193 и сл.

¹Тройное заимствование чаще случается, когда на поздних стадиях развитого литературного языка, перешедшего под крыло другого (западного) извода античной (греколатинской) лексики, заимствования делались из обоих воплощений: *шухматик* (народный вариант *схизматика*) — *отицепенец* (калька по σχίζω) — *схизматик* (mot savant); лексическая группа в целом развивает образ *раскола*.

- Miklosich F.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Classe. (Wien). 1867. Bd. 15. S. 73–140;
- Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A theoretical examination of calque phenomena in the texts of the archaic Old Slavic gospel codices // Slavistische Forschungen / Hrsg. von R. Olesch (Köln; Wien). 1985. Bd. 47.
- Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbugarischen // Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Univ. Berlin / Hrsg. v. M. Vasmer (Wiesbaden). 1958. Bd. 16.